

Том 1(1)

ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ, НАСЕЛЕНИЕ: ВОЗМОЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ МИШЕЛЯ ФУКО

Дмитрий Михель

В статье обсуждаются основные идеи Мишеля Фуко относительно государственного управления: дисциплинарные институты, индивидуализирующая власть, население, полиция, представления об управлении и технологии управления, власть профессиональных экспертов. Переход к новой политической рациональности, который начинается на Западе с конца XVI века, требовал новых форм организации государства и новых технологий управления, в том числе надзор за семьей как резервом населения и контроль за так называемыми социальными патологиями. Изучение этих главных стратегий государственного управления населением можно рассматривать в качестве возможной археологии социальной политики.

Ключевые слова: государственное управление, дисциплинирующие институты, социальные патологии, население, контроль

«В том, что касается политической мысли и политического анализа, король все еще не обезглавлен».

Мишель Фуко «Воля к знанию»

На сегодняшний день в России опубликованы почти все главные работы Мишеля Фуко. Кроме того, вышли из печати многие его значительные статьи и интервью, хотя огромная их часть все еще остается неизвестной отечественному читателю. Стали также появляться первые серьезные публикации отечественных авторов, пытающихся творчески усвоить богатое наследие французского интеллектуала и предложить критику некоторых значимых его идей [Мишель Фуко и Россия, 2001]. Но следует признать, что

работа еще только началась, а поэтому дальнейшая проработка многих принципиальных сюжетов, развитых самим Фуко, должна быть продолжена. На Западе такая работа не прекращается уже пару десятков лет, и завершения ее пока не предвидится.

Фуко оказался не просто «модным автором». Ему, как никому другому, пожалуй, удалось затронуть наиболее тонкие струны в наших душах, посеять смущение, заставить задаться вопросом: а что же дальше? Это «а что же дальше», не раз звучавшее как в философии и литературе, так и в рамках социальной теории, во многом зависит от того, что считать принципиальным событием, Рубиконом, разделяющим историю на «до» и «после». Как и для многих французских мыслителей, таким событием-Рубиконом для Фуко выступает французская революция с ее казнью короля¹.

Власть: что дальше, если нет Короля?

Фуко задавал себе этот вопрос практически во всех своих произведениях, даже в самых последних, которые чисто внешне были обращены к реалиям античного общества [Фуко, 1998^a, Foucault, 1990], где проблема Революции² формально обозначена не была. Его исследования, посвященные истории клиники [Фуко, 1998], безумия [Фуко, 1997, Foucault, 1975], тюрьмы [Фуко 1999] и сексуальности [Фуко, 1996] как и его исследования по истории научного знания [Фуко, 1994] неизменно вращаются вокруг этой ключевой для французов эпохи рубежа XVIII и XIX веков, ставшей временем Революции, временем, которое разделило между собой «современность» и то, что французские социальные теоретики обозначают как «общество Старого порядка» или даже «классическая эпоха Разума»³. Разумеется, Фуко не одинок в этом своем пристрастии к времени Революции. Здесь он следует очень давней и весьма обстоятельной традиции французской исторической науки. При этом Фуко предпринимает попытку написать некую «другую историю», в частности, «другую историю Революции», где казнь короля не была бы самым ярким событием. Вместе с тем само событие не отпускает его. Поэтому он и следует вопросу: а что же дальше, если нет Короля?⁴

Предварительное решение этого вопроса предполагает выделение двух режимов существования власти — *старого*, где власть, была воплощена в королевском теле со всеми характерными для него атрибутами (блеском

¹ Это не значит, что Фуко оказался первым в числе мыслителей, поставивших такой вопрос. В самом конце XVIII века такой же вопрос во Франции сформулировал Сад, чье творчество постоянно притягивало к себе внимание Фуко. В XIX веке аналогичный вопрос, хотя и в другой форме — «если Бога нет, значит, все позволено?» — поставил Достоевский, чьи идеи Фуко воспринял не напрямую, а опосредованно, через Ницше, с его выводом о «смерти Бога». Интерпретацию Сада французскими интеллектуалами, предшественниками и современниками Фуко см.: [Маркиз де Сад и XX век, 1992].

² Это слово у большинства французских авторов пишется с большой буквы; далее мы последуем их примеру.

³ Понятие «общество Старого порядка» использовалось, например, [Арьес, 1999]. «Классическая эпоха» — термин самого Фуко.

⁴ Далее это слово нам также придется писать с большой буквы, поскольку оно превращается в концепт.

коронаций и казней), и *современного*, где власть является рассеянной по всему социальному пространству, не принадлежа вместе с тем ни одному из его субъектов, будь то классы, партии или элита. Для Фуко как наследника, хотя и весьма критичного, французской «новой исторической науки», феномен «королевского тела» очень важен¹. Но важен он не сам по себе, а как повод для того, чтобы дистанцироваться от него и сфокусировать внимание на другом полюсе «политического», там, где находятся антагонисты Короля.

«На другом полюсе можно представить себе тело осужденного; он тоже обладает правовым статусом, создает собственный церемониал и вызывает целый теоретический дискурс, но не для того, чтобы обосновать «избыток власти», а для того, чтобы выразить «недостаток власти», отпечатывающийся на телах тех, кто подвергается наказанию. В самой темной области политического поля осужденный представляет симметричный перевернутый образ короля» [Фуко, 1999, 44]².

В отличие от представителей «новой исторической науки» с их вниманием к проблематике ментальностей Фуко избирает другой уровень анализа, отчасти роднящий его с марксизмом, и обращается к проблематике *практики*. (Впрочем, как автор, весьма критичный и к марксизму, Фуко вместо «практики» в единственном числе неизменно обращается к «практикам» во множественном). Поэтому он выявляет иной тип различий между этими режимами, связывая их, главным образом, с *практиками власти*, которые, как правило, остаются за пределами представлений.

Не следует думать, показывает Фуко, что в обществе Старого порядка, где существует Король, царят только практики жестокости, тогда как в современном обществе царит дисциплина в ее разнообразных проявлениях. Напротив, древнейший тип дисциплины на Западе был известен уже в первых монастырях, а период с XVI по XVIII столетия был временем зарождения и пролиферации разнообразных дисциплинарных практик. Не зря западное общество этого времени Фуко называет «дисциплинарным» [Foucault, 1991]. Тем не менее именно после того, как во Франции народ казнит Короля, дисциплина становится такой практикой власти, которая определяет сам режим ее существования. Именно поэтому такие классические *дисциплинарные институты* как тюрьма, психиатрическая лечебница и больница окончательно формируются лишь с началом XIX века, т.е. после казни Короля.

Фуко, словно бы нарочно, переносит свое внимание именно на эти дисциплинарные институты. В отличие от классической политической теории, идущей еще от Томаса Гоббса, для которой новым сувереном после Короля может быть только народ, для Фуко народ является фикцией. Ни народ в целом, ни его выборные представители не являются источниками власти. Ликвидация института королевской власти не приводит к народному самоуправлению. Во всяком случае, такое самоуправление весьма напоминает

¹ Этот феномен был намечен еще в 1924 году Марком Блоком [Блок, 1998].

² Этот фрагмент Фуко пишет, полемизируя не с Блоком, а Эрнстом Канторовичем, автором популярного исследования о политической теологии на средневековом Западе. Важно иметь в виду, что работа Канторовича, [Kantorowicz, 1959], имела большой резонанс во французской истории именно в 1970-е годы.

иллюзию. В условиях отсутствия Короля власть перехватывают профессиональные эксперты-психиатры, медики, организаторы промышленного производства и школьного образования. Именно они становятся теперь — не субъектами, но агентами власти, практикующими дисциплину. В сущности, дисциплина не принадлежит даже им, она вписана в сами институты, от имени которых они выступают и в пределах которых по большей части действуют. Таким образом, в результате Революции власть перераспределяется, — но не от центра к периферии, или от Короля к народу, а от *единственного центра* к *многочисленным центрам*, которыми теперь оказываются дисциплинарные институты и действующая в их рамках бюрократия. Так перед взором Фуко возникает особое политическое пространство, которое лишено центра и в котором во множестве существуют особые «очаги власти» — дисциплинарные институты.

По Фуко, теперь эра традиционной политики и политической теории закончилась. Никакой «захват власти» в ленинском смысле больше не способен оказать решающего влияния на общество, если дело ограничивается только переменой лиц на политическом пьедестале.

«Если мы хотим изменить государственную власть, нужно перестроить те разнообразные отношения власти, которые действуют внутри общества. А если этого не сделать, то общество не переменится. В СССР, к примеру, правящий класс поменялся, однако прежние властные отношения остались. Так что важны как раз сами властные отношения, действующие независимо от индивидов, в руках которых сосредоточена государственная власть» [Фуко, 2002, 321].

Если речь и должна идти о перемене власти, то, по мысли Фуко, в обществе без Короля следует акцентировать внимание на проблематике *управления*, т.е. на том, как практикуется власть в каждой точке социального пространства. Речь должна далее идти о природе этого управления, об учете интересов тех, кто вовлечен в него и тех, кто исключен, о соотношении между управлением и вмешательством в чью-либо частную жизнь и о других вопросах. Рассмотрим далее фукольдианскую трактовку управления.

Управление и «la gouvernementalite»

Фуко не посвятил проблеме управления больших систематических исследований, поэтому его идеи на этот счет носят во многом обзорный характер. Вместе с тем сложившаяся к сегодняшнему дню комментаторская традиция позволяет выделить в его творчестве особую область вопросов, которые напрямую связаны с проблемой управления. В англоязычном кругу исследований творчества Фуко эта область обозначается особой рубрикой «Governmentality».

Впервые концепт «la gouvernementalite» был использован в рамках зимнего курса 1977–1978 годов «Безопасность, территория и население». Этот концепт был использован в четвертой лекции курса, которая была названа «La gouvernementalite» и была прочитана 1 февраля 1978 года. В ходе этой лекции Фуко подчеркнул свое намерение изменить общее содержание самого курса.

Важно отметить, что в европейских интеллектуальных кругах эта лекция и ее базовое понятие получили широкий резонанс. Анализ данного концепта был осуществлен Паскуале Паскино, Джованной Прокаччи и Жаком Донзело в осеннем выпуске журнала «Ideology and Consciousness» (Autumn 1978, no.4), а затем в весеннем выпуске (1979, no.5). В шестом номере того же журнала появилась переведенная на итальянский язык лекция Фуко. Она называлась «La governamentalita». Переводчиком статьи был Паскуале Паскино. Этот выпуск журнала вышел во Флоренции. Тогда же был осуществлен перевод этой статьи и на английский язык. Он был выполнен Рози Брайдотти и опубликован в английской версии журнала «Ideology and Consciousness» (London, 1979, no.6). Французская версия текста была опубликована позже, в 1989 году, в журнале «Magazine Litteraire» (September, 1989, pp.97–103). Этот текст в отличие от английского не имел примечаний.

Фуко вновь вернулся к данной проблематике в курсе 1978–1979 года «Рождение биополитики», где он впервые для себя рассматривал проблемы европейского либерализма и неолиберализма от Джереми Бентама до Людвиг Мизеса и Фридриха Хайека. Особенностью его анализа было сосредоточение внимания на проблемах рационализации управления в XIX веке.

Как популярный автор и исследователь Фуко был приглашен для чтения лекций в Стэнфордский университет, где 10 и 16 октября 1979 года читал лекции по темам, излагаемым им во французских лекциях 1977–1978 и 1978–1979 годов. Эти лекции назывались The Tanner Lectures on Human Values. Поставленные на них вопросы касались изучения той политической рациональности (political rationality), которая сложилась на Западе в XVIII веке и продолжает сохраняться до сих пор. Очевидно, что именно этот визит сделал понятие governmentality (la gouvernementalité) важным и для американских авторов.

Что такое governmentality (la gouvernementalité)? Сам Фуко, как можно видеть, нигде специально не поясняет содержание этого термина, а использует его как некую общую рубрику для наименования той стратегии управления, которая сложилась на Западе в Новое время. Термин этот, как пишет Джеймс Миллер [Miller 1993, 299], указывает не только на политические аспекты управления, но и на педагогические, духовные и религиозные его измерения.

Интерес к этой проблематике был вызван стремлением объяснить, как на Западе появилась «индивидуализирующая власть» (individualizing power). Согласно Фуко, такой тип власти стал формироваться в XVII веке в период Религиозных войн, прежде всего, Тридцатилетней войны (1618–1648). В эту эпоху существовало две технологии управления: 1) «пасторская власть», целью которой было управление индивидом во имя спасения его души, и 2) «полиция», целью которого было управление индивидом в интересах административного государства. В эту же эпоху возникает два способа мыслить об управлении. Один из них был предложен теологами, а другой — светскими философами. Сосуществование этих двух технологий управления сыграло важную роль в последующей индивидуализации власти в XIX веке: наследницей «пастырской власти» становится психоанализ, наследницей «полиции» — санитарная медицина, психиатрия и полиция в современном смысле слова, т.е. практика, опирающаяся на криминологические знания.

Как исследователь власти Фуко выработал особую точку зрения. Для него история власти — это история изменения стратегий власти. Принципиальным моментом является именно «индивидуализация власти». Переход к новой стратегии (или новой политической рациональности) начинается на Западе с конца XVI века. Этот переход требовал, с одной стороны, новых форм организации государства, а с другой — новых технологий управления.

История изменения форм организации государства, по Фуко, позволяет выделить три этапа: 1) в Средние века существовало «государство справедливости», 2) с конца XVI века и весь XVII век существовало «территориально-административное или полицейское государство» (главными примерами являются германские государства, а также Франция), 3) с XVIII века и по XX век «управленческое государство» (governmental State).

Чтобы анализировать историю власти вообще и историю управления в частности, Фуко считает необходимым погрузиться в корпус разнообразных литературных источников, которые могли бы содержать в себе указания на то, что *понимали* под управлением в разные времена европейской истории, каковы были *представления* тех, кто практиковал различные способы управления людьми в Средние века, в Новое время и в современную эпоху. Иными словами, чтобы изучать управление, Фуко конструирует для себя особый объект познания, который и называется governmentality.

Наиболее подходящими для этого источниками становятся тексты политического и юридического характера. Но Фуко не ограничивается только ими. В его поле зрения попадают также «советы», «практические руководства» и учебники, поскольку они содержат в себе некий вытесненный пласт представлений об управлении, который обычно не попадает на страницы «парадной истории». Вместе с тем написанное в этих текстах очень часто имело возможность быть реализованным на практике. Дискурс сочинений этого рода, в сущности, и является содержанием governmentality, т.е. той ментальности, которая реально определяла взгляды людей, занятых практическим управлением.

«Советы», «практические руководства» и учебники, — все это тексты, которые Фуко называет текстами по «искусству управления». Наиболее ранними формами среди них выступают античные и средневековые трактаты, написанным в жанре «советов государю», самым известным из числа которых выступает «Государь» Макиавелли.

В центре сочинений типа «Государь» исследуется вопрос об умении государя удерживать свое государство. Сама же политика «Государя» характеризуется единственным принципом, сформулированным Макиавелли: государь стоит в отношении исключительности и *овнешненности* к своему государству. Тип управления, который предстает в таких сочинениях, характеризуется как нестабильный. Связь между государем и его государством то и дело нарушается либо мятежами подданных, которые не имеют причин признавать его правление, либо захватническими намерениями внешних врагов.

В последующих сочинениях по «искусству управления», напротив, развивается принцип связи правителя с его государством и формируется образ государя, озабоченного нуждами своих подданных. При этом проводится мысль о том, что кроме управления государя его государством существует

и много других, непрерывно сообщающихся с ним типов управления: управление отца в семье, учителя в гимназическом классе и т. п. Политико-правовая мысль XVI–XVIII веков исходит из того, что существует непрерывная связь между *этикой* (искусством управления собой), *экономикой* (искусством управления хозяйством) и *политикой* (искусством управления государством).

Между «этикой» и «политикой», как они понимаются в эту эпоху, располагается срединное звено — «экономика», поэтому перед теоретиками «искусства управления» стоял неотложный вопрос о том, как ввести «экономику» в политическое управление. Теоретики, показывает Фуко, понимали этот вопрос как введение *правильного способа распоряжения людьми и вещами*. Этот принцип противостоит прежнему, где речь шла исключительно о распоряжении *территорией*, на которой люди и вещи были переменными величинами.

«Управлять государством, следовательно, будет значить применять экономию, устанавливая экономию на уровне целого государства, что означает применение по отношению к его жителям, богатству и поведению всех и каждого надзора и контроля, таких же пристальных, что практикует глава семьи по отношению к своему дому и имуществу» [Foucault, 1991, 92].

Согласно Фуко, для каждого из двух типов управления существует свой тип направленности. Суверенная власть циклична: она применяется ради самой же себя, а инструментом, который позволяет достигнуть этой цели, является наложение Закона на людей с целью послушания ему. Направленность экономного управления пребывает в самих вещах, тогда как Закон здесь используется лишь как тактика, например, для того чтобы приумножить материальные богатства или численность населения.

В текстах конца XVI и XVII веков по «искусству управления» провозглашается, что правитель не должен торопиться применять свою карающую власть, но обязан быть «мудрым» и «прилежным». Последнее означает, что власть должна выражаться в служении вещам и людям, которыми он управляет.

Согласно Фуко, «искусство управления» не было только явлением литературы. С XVI по XVIII век оно было связано с политической реальностью через три вектора: во-первых, развитие административного механизма территориальных монархий, во-вторых, «статистику» как науку о государстве, в-третьих, меркантилизм и камералистику как экономические стратегии, удовлетворяющие нуждам монархического государства.

«Искусство управления» кристаллизовалось благодаря размышлениям теоретиков политики и права о смысле государства, чья реальность выводилась не из природных законов или принципов мудрости, но из его собственной реальности. Однако почти до начала XVIII века эта же государственная реальность действовала как препятствие для «искусства управления». Примером этого может служить опять-таки практика меркантилизма, рассматриваемая Фуко в качестве первой формы рационализации государственного управления. Провал меркантилизма был вызван тем, что он искал пути увеличения богатства правителя, а не страны. Иными словами, меркантилизм погубило его сотрудничество с прежней теорией суверенности.

Весь XVII век «искусство управления» пыталось примириться с теорией суверенной власти. Результатом этого стали популярные тогда версии теории Общественного договора. Между тем, именно жесткие рамки модели суверенности препятствовали полноценному применению «искусства управления».

Другим препятствием для «искусства управления» тогда было то, что введение экономии в практику управления опиралось на крайне слабую модель *семьи*. Лишь через конституирование проблемы *населения* во второй половине XVIII века «искусство управления» смогло быть задействовано вне юридических рамок суверенности.

Первая фаза рационализации «искусства управления» на Западе, прежде всего, во Франции и Германии, как утверждает Фуко, опиралась на такой инструмент управленческой технологии, как *полиция*. В период XVI–XVIII веков этим термином обозначали совершенно иной предмет, нежели в XIX и XX веках. В проектах некоторых теоретиков управления этой эпохи (Луи Тюрке де Мейерн¹) полиция выступает как всеобъемлющая форма государственного регулирования всех аспектов человеческой жизни. «Она обращает внимание на то, как они живут, на болезни и несчастные случаи, которые их подстерегают. Одним словом, за человеком живущим, действующим и производящим надзирает полиция» [Фуко, 2002, 373]. В качестве органа государственного управления полиция, как она рисовалась теоретикам, дополняет правосудие, армию и финансы, но также и охватывает их все.

В практической же сфере деятельность полиции была еще более многообразной. В полицейских уставах, которыми руководствовались государственные чиновники во Франции в начале XVIII столетия, в число задач полиции входили вопросы религии, нравственности, здоровья, продовольствия, контроля за состоянием дорог, мостов и общественных строений, попечение о науках, торговле, заводах, рабочих людях и бедняках [Фуко, 2002, 374; Foucault, 1980, 170]. До того, как стать специализированным учреждением, полиция, следовательно, выполняла комплекс разнообразных задач, касающихся поддержания общего порядка в государстве.

Кроме того, полиция преподавалась для будущих государственных чиновников как академическая дисциплина. В университете Геттингена «искусство управления», *Polizeiwissenschaft*, изучали администраторы Пруссии, Австрии и России. Учебником для них одно время выступала книга фон Юсти «Начала полиции» (1756). Внимание обучающихся обращалось на такие проблемы, как территория государство и ее обитатели (их количество, рост народонаселения, его здоровье, смертность, перемещения), их имущество и экономическая активность, а также поведение индивидов (профессиональные способности, уважение законов и пр.) Для обучающихся в Геттингене проводилась мысль о различии между *политикой* и *полицией*. Политика состояла в применении закона против внутренних врагов государства и применении армии против его внешних врагов. Тогда как полиция заключалась в непрерывном вмешательстве государ-

¹ Фуко ссылается на трактат Тюрке «Аристо-демократическая монархия», вышедший в 1611 году. Аналогичную концепцию полиции можно обнаружить у Гегеля [Гегель, 1990, 265–268].

ства в жизнь и поведение индивидов в интересах общего, т.е. государственного блага.

Последнее обстоятельство весьма примечательно. Государство осуществляет попечение об обитателях страны не ради их блага, а ради собственного блага. И хотя «власть убивающая» сменяется «властью пекущейся о жизни», *биовластью* [Фуко, 1996], в течение длительного времени, вплоть до Революции и казни Короля, «изнанкой биополитики выступает танатополитика» [Фуко, 2002, 379].

И все же хотя Революция сыграла важную роль в трансформации «искусства управления» и *управленизации власти*, более важным, по мысли Фуко, стало то обстоятельство, что на исходе XVIII столетия на Западе, во Франции, управление нашло для себя, наконец, новый предмет. Этим предметом стало *население*. С этого момента процесс рационализации управления достигает очередного порога.

Население

В концепции Фуко понятие «население» играет огромную роль. При этом ни «народ», ни «нация», которые были традиционным объектом внимания многих исследователей, писавших о веке Революции, не интересовали его. Он воспринимал их как фикции, порожденные определенным типом политического дискурса, призванного легитимировать процесс перераспределения власти от суверенного монарха к его бывшим подданным. Но Фуко не верит, как уже отмечалось выше, в возможность такого перераспределения. Вместе с тем он считает, что там, где было принято обнаруживать «нацию» или «народ», можно найти другую реальность, а именно «население» или, точнее, «популяцию» (*population*), которая стала важнейшим объектом стратегий рационального управления с конца XVIII века.

Говоря о реальности населения, Фуко имеет в виду то, что население является не только особой абстракцией технологии управления, но и вполне реальным телом, «общественным телом», как он часто пишет. Вместе с тем, вплоть до того времени, пока главной политической реальностью на Западе продолжали оставаться территориальные монархии, тело населения продолжало оставаться невидимым, скрываясь, так сказать, в тени королевского тела.

«В обществе вроде общества XVI века тело короля было не метафорой, а политической вещью: его телесное присутствие было необходимо для жизнедеятельности монархии... У Республики нет тела. Напротив, в течение XIX века новым началом становится тело общественное» [Фуко, 2002, 161].

Общественное тело — это не тело Республики. Таков тезис Фуко. Что стоит за этим утверждением?

По-видимому, прежде всего политическая реальность, рассмотренная под углом зрения географии и антропологии. Республиканское тело, или «народ», было возможно лишь в мире античных полисов с их малыми территориальными размерами и возможностью собрать вместе всех граждан, мужчин-воинов, на площади либо в военном строю. Республика нового типа, которая возникает на месте территориальных монархий, таких возможно-

стей не имеет. Поэтому республиканское тело оказывается невозможным собрать ни в одном из мест на карте. Главным препятствием является территориальный фактор, рассеивающий гипотетическое тело Республики на отдельные сегменты.

Кроме территориальности особую роль играют и иные мотивы. Современная Республика — это не просто воины-мужчины, а более сложный ансамбль индивидов, который все время разрастается за счет иных категорий — женщин, детей. Республика не отождествляется только с мужской частью, поскольку ее военную безопасность отныне неспособно поддерживать никакое ополчение. В век огнестрельного оружия и больших армий масштаб Республиканского тела, безусловно, должен измениться. Поэтому, утверждает Фуко, тела Республики не существует. Вместо него возникает абстрактное тело общества, или население.

Превращение населения из абстракции в реальное общественное тело, его *визуализация* стало возможным тогда, когда появились конкретные способы изучения самого населения. Они появились в рамках господствующей к концу XVIII века управленческой технологии — полиции, или дисциплины. Из единого внутренне нерасчлененного комплекса власти-знания, каковым была полиция, выделились новые специализированные отрасли, осуществляющие контроль над отдельными сторонами жизни населения, а, кроме того, занятые сбором сведений о каждой из них, будь то рождаемость и смертность, будь то коммерческая активность и производство, будь то уход за детьми и гигиеническая культура. Таковы появляющиеся в это время демография, политическая экономия, санитарная медицина, унаследовавшие от прежней полиции целый ряд административных функций.

Что вызвало к жизни категорию «население»?

Если отмечать самые общие причины, то это великий демографический подъем восемнадцатого столетия в Западной Европе, необходимость координации активности людей и интеграции ее в аппарат производства и крайняя важность контролирования всех сторон общественной жизни более превосходными и более адекватными механизмами власти. Выделение же более конкретных причин здесь едва имеет смысл. Этому на свой лад подчинено все творчество Фуко.

В любом случае, население как объект государственного управления становится все более сложно дифференцированной реальностью, которая отныне требует своей организации и упорядочивания. Управление государством связывается с этого времени с многочисленными техниками надзора, анализа, вмешательства, модификации, постижения населения с его исчислимыми вариациями в пространстве и времени, долголетием и здоровьем.

«Биологические характеристики населения становятся релевантными факторами для экономического управления, и это приводит к необходимости организации вокруг него некоего аппарата, который бы обеспечил не только их подчинение, но и постоянный рост их полезности» [Foucault, 1980, 172].

Характерной приметой населения является его рассеянность в физическом пространстве. Население не может быть собрано ни в одном из его мест. Однако хорошо известны те места, из которых оно берет свое начало. Это своего рода «точки роста» населения, или, точнее, «точки прироста и воспроизводства».

Первым и главным из таких мест является семья, поскольку именно в семье рождаются дети, из которых и формируется население. Для политической мысли второй половины XVIII века вопрос о семье и вырастающих в ней детях стал одним из самых главных.

«Проблема «детей» (то есть числа их рождений и соотношения рождений и смертей) теперь соединяется с проблемой «детства» (то есть выживания до уровня взрослого возраста, физические и экономические условия этого выживания, необходимое и достаточное количество инвестиций для периода детского развития, чтобы стать полезным, короче, организация этой «фазы», воспринимаемой сразу и как специфическая, и как конечная). Это уже не просто проблема производства оптимального числа детей, но и проблема правильного управления этим возрастом жизни... Со второй половины восемнадцатого века семья - это мишень для великого предприятия медицинской аккультурации. Первая волна этого натиска проявляется в форме заботы о детях, особенно младенцах» [Foucault, 1980, 172–173].

Озабоченность государственных деятелей проблемами воспроизводства населения вскоре привела их от фокусирования на детском теле к сосредоточению внимания на теле, с которым оно связано в силу акта рождения, т.е. на теле женщины-матери. Уже в 1840-е годы бурно развиваются гинекология и психиатрия, которые становятся главными инструментами поощряемого государством медицинского контроля над женским телом [Мишель, 2000, 86]. При этом объектом их вмешательства становится, прежде всего, женщина из буржуазной семьи, тогда как в отношении женщины из простонародья этот контроль будет установлен значительно позже.

Важность для государства проблемы воспроизводства населения актуализировала в дальнейшем вопросы обо всех тех, обстоятельствах, которые могут способствовать воспроизводству или препятствовать ему. Особенно принципиальной оказывается вторая группа обстоятельств, трактуемых как *социальные патологии*. Их реестр в течение всего XIX века неизменно пополнялся: гомосексуальность, неконтролируемые государственной медициной контрацептивные практики, а кроме того, заразные болезни, пьянство, самоубийства, безумие и т.д. Опасности, подстерегающие совокупное тело населения могли придти откуда угодно, поэтому профилактические меры и обеззараживание (изоляция больных, наблюдение за заразными, исключение правонарушителей) стали главными стратегиями государственного управления населением.

Фуко полагает, что применительно к эпохе Революции и в самом начале XIX века можно выделить, по меньшей мере, четыре привилегированных объекта государственного управленческого вмешательства. Таковы детское тело, тело женщины-матери, а также тело перверсивного взрослого и брачная пара, практикующая контрацепцию [Фуко, 1996, 204 с.]. В своей совокупности управленческие практики, вырастающие вокруг этих привилегированных мест, образуют «диспозитив сексуальности». Термин «диспозитив» — это неологизм Фуко, выдуманный, однако, очень удачно.

Слово «диспозитив» происходит от термина «диспозиция», характерного для языка военного искусства, берущего начало в XVII веке, когда начинается систематическое картографирование пространств для ведения военных действий. Через «диспозитив» Фуко намекает на некую predeterminedность мест, включенных в общую стратегию власти. Тела матери,

ребенка, гомосексуала и молодых супругов отнюдь не случайно оказались введены в рамки «диспозитива». Именно через них как бы проходит невидимый поток репродуктивных сил общества, который то набирает мощь (мать, ребенок), то грозит пересохнуть (гомосексуал, мальтузианская брачная пара). В этих точках репродуктивная мощь популяции может быть взята под контроль и по возможности приведена к норме.

Весьма продолжительный период времени — с конца XVIII века и почти до конца XIX века — принципиальными объектами управления и контроля была только буржуазная репродукция. С того момента, как буржуазия в качестве социального класса начинает самоутверждаться в Англии и Франции, она начинает проводить самостоятельную политику. Составной частью этого самоутверждения и этой политики становится создание собственного «классового тела», т.е. тела со своим *особым* здоровьем, гигиеной, потомством и породой.

Выделялось две стратегии конституирования классового тела.

Во-первых, «транспозиция», или перенос, в другие формы тех способов, которыми уже пользовалась дворянская аристократия. В этой стратегии буржуазия шла путем, уже проложенным другим классом.

Но если дворянство утверждало *особость* своего классового тела через «кровь», то буржуазия через «секс». Для дворянства были важны древность родословной, достоинство супружеских союзов. Для буржуазии стали важны потомство и здоровье организма. В самом деле, в классовой идеологии буржуазии, как и в классовой идеологии дворянства, обнаруживались общие темы, но они были переведены на язык биологических, медицинских и евгенических предписаний. Например, озабоченность *генеалогией* превратилась в озабоченность *наследственностью*, в вопросах брака в расчет стали брать не столько экономические соображения, требования социальной однородности или обещания наследства, сколько все то, что могло угрожать наследственности (болезни и пороки родни: общий паралич какого-нибудь предка, неврастению матери, чахотку младшей дочери, истерию или эротоманию тетки, дурные нравы, например, педерастию кузенов).

Во-вторых, стратегия «безграничной экспансии» силы, крепости, здоровья, жизни. Эта стратегия была новой.

Буржуазия придала ценность своему собственному телу, стала развивать «культуру» тела. Дело было вовсе не в том, что рабочая сила приобрела рыночную стоимость, а в том, что господство самой буржуазии как класса во многом зависело от «физических» аспектов ее власти, дополняющих экономические и идеологические аспекты. Действительно, с конца XVIII века резко возросло количество трудов по гигиене тела, искусству долголетия, методам производства здоровых детей и продления их жизни, по способам улучшения человеческого потомства. По мысли Фуко, появился особый «буржуазный расизм», хотя до конца XIX века он пребывал в зачаточном состоянии. Он отличался от «аристократического расизма». Целью последнего была *консервация*, т.е. сохранение собственной уникальности (белая кость, голубая кровь). Целью «буржуазного расизма» стала *динамика и экспансия*.

Короче говоря, тело населения стало видимым в тех местах, где была организована и взята под контроль буржуазная телесность. Осталь-

ные типы классовых тел некоторое время оставались невидимыми. Эти тела оставались неизвестными для власти-знания, проявляющими к ним невнимание.

В первой половине XIX века на Западе буржуазия еще была далеко от того, чтобы озаботиться телом и сексом пролетариата (по Марксу, «капитал изголодался по труду», поэтому ему не было дело до того, как живут или умирают рабочие, ведь они воспроизводились сами собой). Чтобы пролетариат оказался наделенным своим «классовым телом» и сексуальностью, чтобы его здоровье, секс и репродукция стали социальной проблемой, т.е. проблемой для правящего буржуазного класса, понадобились следующие причины:

(1) *социальные конфликты, связанные с городским пространством*: совместное проживание (разных поколений и семей, взрослых и детей), теснота, загрязненность, эпидемии (холера 1832 года), проституция, венерические болезни;

(2) *настоятельные экономические требования* (развитие тяжелой индустрии с ее потребностью в стабильной и компетентной рабочей силе, необходимость контролировать потоки народонаселения, демографическое регулирование);

(3) *установление целой технологии социального контроля*, которая бы позволила удерживать под наблюдением тело и сексуальность пролетариата: контроль в школе, жилищный контроль, общественная гигиена, институты социальной помощи и страхования, всеобщая медиализация населения. Этот социальный контроль стал средством утверждения гегемонии буржуазии. Действительно, ведь «образцовым», «нормальным» были признаны тело и секс правящего социального класса.

В конечном итоге, на исходе XIX века на Западе создание «классового тела» буржуазии было дополнено созданием «классового тела» пролетариата. Впрочем, процесс организации пролетарской телесности едва ли следует связывать с государственным управлением его репродукцией. Скорее, основной технологией контроля над пролетарским телом стала производственная дисциплина, насаждаемая на рабочих местах с помощью тейлоровских методов организации труда [Мишель, 2000, 23–81]. Именно поэтому Фуко говорит о сдержанности, с которой пролетариат принимал буржуазный диспозитив сексуальности [Фуко, 1996, 232].

Какова же общая концепция населения у Фуко?

Прежде всего, он отмечает, что для управленческой власти населения это не более чем *сумма сведений*, которые предоставляются знаниями, действующими в поле современных политических технологий. Во-вторых, население является открытым *полем вмешательства*, которое подвергается проработке и модификации — первоначально лишь в интересах государства, но в дальнейшем все более в интересах самого населения. В-третьих, население выступает *целью управленческих методов*, поскольку статистика перестает работать внутри и для выгоды монархической администрации, но фиксирует внимание на специфических закономерностях населения, не сводимых к размерности семьи, а интересы населения трактуются как преобладающие по сравнению со всеми остальными интересами.

Возможная археология социальной политики

Сам Фуко называл многие свои исследования «археологическими опытами». Таковы его «археология гуманитарных наук» и «археология знания», «археология взгляда медика» и менее развернутая «археология психоанализа» [Фуко, 1996]. Нельзя ли считать его интерес к практикам власти в современном обществе и особенно к практикам управления и контроля своеобразной археологией социальной политики? Его интерес к тому, что происходит с властью в отсутствии Короля, его увлеченность вопросами о полиции и дисциплине в XVI–XIX веках, его собственная позиция интеллектуала и активиста [Miller, 1993, Уолцер, 1999] позволяют не без некоторого сомнения согласиться с наличием у него, по крайней мере, потенциальной археологии социальной политики как управленческой технологии нашего времени.

Насколько мне известно, Фуко нигде не употреблял специально этого термина. Тем не менее его творчество содержит многочисленные отклики на реальные исторические процессы второй половины XX века на Западе, непосредственно связанные с поиском новых типов государственной социальной политики. Социальная политика европейских стран, как она воспринималась Фуко, была живой наследницей полиции Нового времени, с присущими ей методами вмешательства в частную жизнь населения, с ее фокусировкой на вопросах репродукции и сексуальности. Революция 1968 года, современником которой Фуко был и которая неизменно привлекала его, как и Великая французская Революция, была не просто симптомом кризиса государства всеобщего благоденствия. Она для Фуко была симптомом кризиса всех прежних «аппаратов безопасности» (Foucault, 1988, 159–177), симптомом кризиса дисциплины. В одном из своих интервью (1978) он говорил:

«С IV–V столетий считалось, что развитие западного общества зависит от того, насколько действенно власть выполняет свои задачи. Например, как много значения придавалось тому, как отцовская или родительская власть блюла поведение детей внутри семьи. И если подобный механизм ломался, то общество разваливалось. То, как повинуется индивид, всегда было важным делом. Но за последние годы общество изменилось, да и индивиды тоже. Ибо они становятся все более непохожими друг на друга, отличными и независимыми. Появляется все больше различных категорий людей, которые дисциплине не поддаются, и потому мы вынуждены задумываться над развитием общества без дисциплины. Правящий класс все еще пронизывает старая техника власти. Однако ясно, что в будущем нам придется расстаться с нынешним дисциплинарным обществом» [Фуко, 2002, 320–321].

Какой иной тип общества должен придти на смену дисциплинарному? Друг и коллега Фуко философ Жиль Делез, анализируя его концепцию, высказывал предположение о том, что это будет *общество контроля* [Делез, 1999], т.е. общество с еще более тонкими управленческими технологиями, опирающимися на достижения в области компьютерных наук и молекулярной биологии. Сам Фуко последние годы своего творчества наибольшее внимание уделял проблемам этики, трактуя ее как один из способов *само-техники*

[Foucault, 1988; 1990]. В сущности, он перестал задавать вопрос о том, как перераспределить власть в пользу индивидов, как усилить тех, кто оставался слишком неразумным для того, чтобы не быть объектом полиции и всякого государственного вмешательства. Принципиальное решение проблемы было найдено им в античных практиках заботы о себе, примеры которых он, безусловно, наблюдал и в современном мире. Государство оставалось для Фуко «холодным чудовищем», «изменяющейся исторической абстракцией», которая лишь соединяет в себе отдельные функции управления и, по сути дела, «присочинена к управлению» [Foucault, 1991, 103–104]. Но ростки новых воззрений у Фуко обнаружили еще до того, как он обратился к анализу собственно античных способов само-техники. Прежде чем обратиться к античности, Фуко взялся переосмыслить некоторые общеизвестные идеи Просвещения и европейского либерализма. Так, лекционный курс 1978–1979 «Рождение биополитики» был содержательно наполнен полемикой с Кантом. Если Кант как идеолог Просвещения поставил вопрос о «моральной предрасположенности» (нравственном законе внутри субъекта), то Фуко поставил вопрос о том, как «не быть управляемым» (will not to be governed). Возможно, именно эта проблематика была для Фуко основанием для перехода к новому корпусу вопросов, который он стал разрешать в работах с 1980–1984 годов, работах, которые иногда объединяются рубрикой «сочинения по искусству существования» (an art of existence). Как интеллеktуал Фуко последние годы своей жизни был поглощен вопросом о единственно интересной ему форме управления — управлении собой.

Список литературы

- Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенной преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., Мысль, 1990.
- Делез Ж. Постскрипtum к обществам контроля // Михель Д.В. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». Саратов: Изд-во Поволжского филиала Рос. учеб. центра, 1999. С.102–108.
- Маркиз де Сад и XX век. М.: РИК «Культура», 1992.
- Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000.
- Мишель Фуко* и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний Сад, 2001.
- Уолшер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.
- Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
- Фуко М. История сексуальности. Т.3. Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998^а.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.
- Foucault M. I, Pierre Riviere, having slaughtered my mother, my sister and my brother — A case of parricide in the 19th century. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1975.

- Foucault M. Power/knowledge. Selected interviews and other writings 1972–1977. Ed. C. Gordon. New York: Pantheon, 1980.
- Foucault M. Politics. Philosophy. Culture. Interviews and others writings 1977–1984. Ed. L.D. Kritzman. New York and London: Routledge, 1988.
- Foucault M. The use of pleasure. New York: Vintage books, 1990.
- Foucault M. Governmentality // Burchell G., Gordon C., and Miller P. (eds.) The Foucault Effect: Studies in Governmentality. London: Routledge, 1991. P. 87–104.
- Kantorowitz E. The King's two bodies. Princeton: Princeton University Press, 1959.
- Miller J.E. The passion of Michel Foucault. New York: Simon and Schuster, 1993.

Дмитрий Михель — доктор философских наук,
профессор исторического факультета
Саратовского государственного университета,
электронная почта: MihelDV@info.sgu.ru
